

ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ КАК ФАКТОРА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Трифоновна Ирина Сергеевна¹

кандидат филологических наук,
e-mail: i.s.trifonova@utmn.ru,

¹Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация

Технологии изменяют понимание идентичности, взаимоотношений и культурных ценностей, которые определяются не традиционными ценностями, а моделями поведения и символами культуры, сложившимися в виртуальном пространстве. Открывая новые возможности для коммуникации и сотрудничества, технологизация углубляет проблему изоляции и деформации взаимосвязей между людьми. Рефлексивное мышление и творческие способности граничат с инфантильностью культуры потребления. Технологии изменяют социокультурные ценности, определяя техногенность в качестве основного принципа, и формируют человека нового типа. Техногенный человек отличается подвижностью морально-этических правил, реляционным мировоззрением, позиционированием себя вне социокультурного контекста, иным восприятием свободы, ответственности, личности, индивидуальности, культурной идентичности и других категорий. Все это создает проблемы идентификации современного человека, угрозы утраты глубины и разнообразия человеческого опыта, культурных регулятивов, что ведет к кризисам как индивидуальной, так и социальной направленности. В такой ситуации образовательные технологии и образование в целом, выстроенные на продуманной, целенаправленной и системной основе, видятся той сферой деятельности, которая имеет большой потенциал для создания благоприятной среды социотехнологического партнерства.

Ключевые слова: технологизация, технологии, культура, социокультурные ценности, техногенный человек, общество

CONTRADICTIONS OF TECHNOLOGIZATION AS A FACTOR IN SOCIAL AND CULTURAL CHANGE

Trifonova Irina Sergeevna

Technologies have profoundly changed the understanding of identity, interpersonal relationships, and cultural values. These values are no longer determined by conventional standards but are shaped by behavioral patterns and cultural symbols that have

evolved within the virtual space. Technologization has introduced new avenues for communication and collaboration, yet it has exacerbated social isolation and interpersonal relationships. Reflexive thinking and creative abilities are now increasingly influenced by the infantilizing tendencies of consumer culture. Technological progress has profoundly transformed social and cultural values, establishing technogenicity as the prevailing principle, and has resulted in the emergence of a new type of individual. This technogenic person is characterized by the fluctuation of their moral and ethical norms, a relational worldview, and a marked differentiation from the social and cultural context. This individual's perspective on freedom, responsibility, personality, individuality, cultural identity, and other categories challenges the conventional boundaries and depth of human experience, potentially leading to a crisis of both individual and social identification. In such a context, educational technologies and education in general, built on a thoughtful, targeted, and systematic basis, emerge as a promising domain for fostering an enabling environment of socio-technological collaboration.

Keywords: technologization, technology, culture, social and cultural values, technogenic person, society

Технологизация в современном обществе определяется как сущностный фактор цивилизационного развития. Она играет основополагающую роль в социальных и межличностных отношениях, по-новому оформляет реальность и наше отношение к ней. «Технологизация становится не просто фактором, влияющим на общество, но самой тканью социального. Жизнь в глобальном мире информации все менее соответствует реальной сущности человека или существованию человека в его конкретном, то есть телесном виде» [1, с. 22]. Технологизация формирует неразделимое единство цивилизационного и культурного слоев человеческого бытия. Если принять во внимание тот факт, что культура может определяться через набор базовых ценностей, которые динамичны по своей природе, и в разные исторические периоды могут превалировать и укрепляться разные ценности, создавая разные типы культур [2], то можно предположить, что человечество подошло к периоду своего исторического развития, когда другие ценности стали доминирующими и могут рассматриваться как базовые. Уже прошел период, когда технологии были призваны облегчить человеческий труд и воспринимались только как средства для достижения цели. Сейчас они являются механизмами познания и конструирования действительности, непосредственно влияют на мировоззрения, определяя техногенность в качестве основного принципа, изменяют социокультурные

ценности, культуру и формируют человека нового типа – техногенного человека.

В отличие от традиционной культуры, где основным способом передачи знаний считается диалог поколений, технокультура характеризуется быстрыми темпами развития и высокой степенью адаптивности, находясь в постоянном изменении, эволюционируя за счет технологического прогресса. Адаптивность технокультуры заключается в обеспечении свободы выбора, комфорта, удобства, помощи для каждого человека. Но она же создает новые сложности. В традиционном обществе процесс формирования идентичности протекал органично в естественной среде межличностного взаимодействия. Человек, вступая в диалог с собой, семьей, сообществом, культурой, экспериментируя на протяжении жизни с разными ролями и статусами, интегрируя их в целостное самовосприятие, формировал свою идентичность. Она являлась результатом активного участия человека в жизни общества, многочисленных социальных взаимодействий, осознанных выборов. В эпоху цифровых технологий этот процесс претерпел значительные изменения: «<...> сегодня все чаще идентификационные образы, ценностные ориентации и адаптационные стратегии пассивно усваиваются из теле-виртуальной реальности, интерпретированной массовым сознанием как подлинной» [3, с. 70].

Создавая новые возможности для коммуникации, обучения, развлечения, виртуальная реальность конструирует альтернативу реальности физической, формирует «собственный технический суверенитет, все больше и больше подчиняя индивидов собственной воле» [4, с. 286]. Это создает определенные риски, противоречия, двойственность развития технокультуры. Так, оперативность поиска и создания информации «приводят к девальвации традиционных экспертных компетенций. Возникает противоречивая ситуация, когда в силу ускорения темпа технологических изменений, их возрастающей доступности и функциональности предметное экспертное знание теряет свою социальную значимость» [5, с. 182]. Актуализируется снижение качества информации при увеличении ее потоков, что формирует искаженное восприятие. Всеобъемлющее проникновение технологий в все сферы жизнедеятельности человека порождают необходимость

их постоянного использования, и в то же время чрезмерную от них зависимость. «Человек становится «техногенным» не потому, что пользуется техникой, а потому, что не представляет своего существования без нее» [6, с. 137]. Неограниченные возможности онлайн общения усугубляют проблему социальной изоляции. Такие риски можно назвать «узловыми», поскольку они запускают другие изменения и порождают новые риски [7].

Виртуальные и информационно-коммуникативные технологии превращают динамичность окружающей действительности, человеческого опыта в статичное образование. Все разнообразие реальности сводится к однотипным, взаимозависимым нескончаемым потокам информации, формирующим единое информационное поле. В нем создается ощущение целостности, непротиворечивости, однако исследователи приходят к выводу, что речь идет, скорее, о взаимозаменяемости и «плоскости», поскольку целостность основывается на разнообразии и взаимодополняемости. Плоскость же проявляется в том, что создается ощущение, что все происходит одновременно в одном пространстве. Стирается «вертикаль» культурной и исторической преемственности, возможность глубокого осмысления происходящих событий, их взаимосвязь с другими событиями, другими контекстами. В следствие чего не только мир теряет свою историческую, социокультурную ценность, но и люди становятся усредненными: «Цифровизация есть приравнивание одного стандартного индивида к другому; отклонения укладываются в пределы статистической погрешности, которыми можно пренебречь» [1; 8, с. 52].

Обладая свойствами объединения, проникновения, так называемого «неуклонного приближения к человеку, его потребностям, устремлениям, чаяниям» [9, с. 22], технологии формируют глобальную техноидеологию, одним из системообразующих принципов которой является отсутствие единой устоявшейся системы ценностей. Ценности являются частью духовной сферы человека, выступающей гарантом сохранения стабильности, что обуславливает ее консервативность. Отсутствие единства в этом отношении «приводит к девальвации любых метанарративов, универсальных религиозных, этических ценностных систем, традиционно выступающих в качестве ключевых культурных регулятивов процессов идентификацион-

ного ориентирования» [6, с. 134]. Социальные сети, конструируя виртуальное пространство коммуникации и взаимодействия, создают ценностный каркас современного общества, поддерживают саморегуляцию индивидов, «в основе которой содержится иное восприятие таких категорий как ответственность, свобода, личность, культурная идентичность и т.д.» [4, с. 75-76].

Сложность идентификации техногенного человека обусловлена рядом причин, среди которых можно выделить разрушение связей с традиционной картиной мира ввиду расширения восприятия многомерности бытия. «У человека формируется реляционное мировоззрение, основанное на убеждении об относительности любого знания, образа, критерия. <...> Это <...> отражает ситуацию невозможности возникновения любой устойчивой социокультурной системы идентификационного ориентирования» [6, с. 135]. В технологической культуре пропагандируется идея создания технологий для отдельного индивида, быстрого обеспечения его всем необходимым для комфортной жизни (быстрого получения информации, быстрой коммуникации, быстрого приобретения навыков и т.д.). Однако такое искусственное расщепление целостности общества на отдельных людей только с их потребностями и предпочтениями без отсылки к его ценностям, нормам, морали, традициям, истории приводит к расчлененной множественности образов, к потере мировоззренческой модели и ценностных ориентиров. Профессор С.А. Храпов в своих работах говорит об этом так: «Технологизация укореняет в нашей социокультурной реальности гипертрофированный индивидуализм и восприятие социума как данности. Ценности техногенного общества, такие как атропоцентризм, гедонизм, релятивизм, бодицентризм, установки инфантилизации существенно приводят к тому, что человек мнит себя автономным существом, которому информационные и нанотехнологии позволяют позиционировать себя вне культурного, социального и даже природного контекста» [Там же, с. 136]. Закономерным результатом происходящих изменений становится трансформация всех сфер личности индивида по отношению к себе и социуму. Происходит формирование новых мировоззренческих ориентиров, ценностей, смыслов, изменяются потребности, коммуникативные связи между

индивидами, самовосприятие и самоопределение. «Так, новый тип личности характеризуется: подвижностью морально-этических правил; новой социально-политической (сетевой) идеологией; новой культурой повседневности, определяемой степенью осетвления; совокупностью новых привычек, систем жизнеобеспечения, образования, труда, общения, отдыха» [4, с. 70].

Рассуждения и выводы отечественных исследователей по данной проблематике иллюстрируют, что ключевой закономерностью технологизации является ее амбивалентность, которая порождает противоречия между идеями, лежащими в основе этого процесса, и фактическим влиянием этих идей на личность и общество. Так, например, свобода выбора граничит со следованием популярным моделям поведения, копированием действий и знаковых «раскрученных» символов, которые могут в сознании индивида придать ему определенный статус, обеспечить успешность. В такой ситуации идеи счастья и благополучия не восходят к духовности, к традиционным ценностям семьи и брака, добродетели и благодарности, а зависят от количества знаковых символов, материальных ценностей.

Широкие возможности коммуникации, нацеленные на социальную адаптацию, включенность, перерастая в адресную индивидуальную коммуникацию, порождают расщепленность, нарастание фрустрации, социальную изолированность, а в ряде случаев поляризацию. Множественность образов, возможностей для самоидентификации приводят к отчуждению эмоционального от физического, расслоению самой структуры личности, утрате жизненных ориентиров, чрезмерному ощущению свободы и вседозволенности.

В основе технологической культуры лежит идея о человеке, как о деятеле, познающем и преобразующем окружающую действительность. Деятельность психически опосредована: «именно во внешней деятельности происходит размыкание круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному предметному миру, властнорывающемуся в этот круг» [10, с. 147]. Диалог человека с самим собой является важным механизмом, позволяющим организовать и структурировать информацию, о чем в своих работах говорит врач, профессор Л.П. Гримак. Внутренний

диалог как одно из ключевых свойств психики человека служит средством подготовки к различным действиям, анализу и оценке результатов совершенных поступков [11]. Такая саморефлексия способствует более глубокому пониманию собственных мотивов, целей и поведения. Однако преобразующее, рефлексивное мышление и творческие способности, проявляющиеся в действиях, граничат с инфантильностью культуры потребления, которую профессор С.А. Храпов сравнил со «смирненным погружением в «поток» техногенной утилитарности» [6, с. 137].

В современном обществе наблюдается опасное искажение: глубоко постижения мира подменяется быстрым обладанием чем-либо. При этом данное искажение происходит дважды, поскольку на самом деле это иллюзия владения, о чем пишет в своем докторском исследовании К.Е Коштыш [12]. В виртуальной реальности такая иллюзия многократно усиливается. Люди коллекционируют копии картин, копируют музыкальные произведения, общаются через обезличенные аватары, познают мир через алгоритмически сформированные согласно интересам пользователя, его кругу общения ленты новостей. Создается эффект «эхо-камеры» – ситуации, когда пользователь получает только близкую его суждениям и представлениям информацию и далее распространяет ее в своих группах и сообществах. Следствием такого эффекта становится восприятие информации как истинной, не нуждающейся в оценке и проверке достоверности, на основе только лишь положительного ее подкрепления участниками ограниченного круга, подавление любого иномыслия. В следствие этого запускается спираль упрощения: глубина мысли меняется поверхностным потреблением, сложные символы заменяются простыми, легкодоступными и воспроизводимыми. Этот процесс напоминает переход в одежде от высокой моды к «прет-а-порте», когда готовая одежда стала производится большими партиями на производстве, и все модели шили не по фигуре, а в стандартных размерах для обезличенного массового потребителя. То же самое мы наблюдаем в восприятии и сознании. Происходит огрубление культуры как системы значений, передаваемых из поколения в поколение, так называемая замена дорогих натуральных тканей синтетическими, ассоциирующимися когда-то у потребителей одежды с не лучшим качеством и прими-

тивностью идей. «Прямым следствием является не только массовое понижение человеческого качества и деградация культуры, поскольку последняя существует главным образом в сознании их носителей, но и атомизация обществ: потребление индивидуально, а значит, каждый решает эту задачу самостоятельно» [Там же, с. 33]. При чрезмерной индивидуализации социальные связи ослабевают, коллективное сознание заменяется изолированным, каждый человек сам по себе решает задачу поиска смыслов, что кроме уже обозначенных последствий, может приводить к чувству беспомощности, утрате личностных ориентиров, целей, одиночеству. В результате общество становится более фрагментированным и менее способным к коллективным действиям.

Еще одной бинарной оппозицией является аксиологизация техногенного при де-аксиологизации традиционных ценностей, что «разрушает традиционные отношения человека и общества, человека и культуры, человека и Бога, девальвирует оппозицию «материальное – духовное». Если в сфере материального (производство, повседневность) одно техническое средство заменяется на более совершенное, обеспечивая тем самым прогресс, то в сфере духовного утрата традиционных духовных связей зачастую не компенсируется ничем равнозначным (например, девальвация религиозного смысла жизни в условиях искусственного продления биологического существования человека (замена клеток, органов и т.п.))» [3, с. 69]. Происходит деформация матрицы традиционных ценностей, т.к. культура потребления, утилитарно-рыночные отношения поощряют стремления, нацеленные на получение прибыли, чувственных удовольствий, комфорта, которые по сути никогда не могут быть удовлетворены в полной мере. Это движение «в никуда» напоминает принцип действия лестницы Пенроуза, которая в иллюзорном восприятии «идущего» представляет собой единую направленную строго вверх конструкцию. На самом деле речь идет об оптической иллюзии, обмане. «Идущий» в своем стремлении «к олимпу» просто не замечает противоречий и не состыковок лестницы из-за искаженного, неправильного представления о ней.

В этом отношении особое значение приобретают образовательные технологии, которые должны иметь «не стихийный (произвольный) харак-

тер, а постоянно и быстро обновляемый, методически качественный, предлагающий возможности выбора обучающегося, характер» [13, с. 19], способствующий разрешению неоднозначного, двойного процесса технологизации. Целенаправленные образовательные технологии подразумевают осознанную научно-обоснованную деятельность, направленную на обеспечение системного воздействия на деятельность субъектов образовательного процесса, элементы и структуру педагогического процесса. «Такое обучение, основанное на высокоразвитой способности конструирования (моделирования) и инструментального употребления внешних по преимуществу, но адекватных содержанию внутреннего плана и механизмам его функционирования средств, составляет суть технологизации образования» [14, с. 199]. Образование, на наш взгляд, может стать социокультурным регулятором техногенных вызовов и кризисов, техно-гуманитарным балансом, создавая «дружественное» во всех отношениях (смыслопорождающее, технологическое, методическое, коммуникативное и др.) окружение для развития гармоничной, целостной личности.

Список литературы

1. *Тарасов, А.А.* Технологизация как сущность глобализационных процессов в обществе: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Тарасов Алексей Анатольевич. – Нижний Новгород, 2010. – 36 с. – EDN WZRKNK.
2. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.
3. *Храпов, С.А.* Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации / С.А. Храпов // Вопросы философии. – 2014. – № 9. – С. 66-75. – EDN SWETBF.
4. *Лопатинская, Т.Д.* Техноидеология: понятие и формы проявления в современном обществе / Т.Д. Лопатинская, А.М. Кашкаров // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научной конференции с междуна-

родным участием участием, Иркутск, 19 апреля 2019 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. – С. 282-288. – EDN NGDBQP.

5. *Черняк, Ю.Г.* Цифровизация и технологизация общественной жизни как фактор трансформации социокультурной сферы современного общества / Ю.Г. Черняк // Социологический альманах. – 2020. – № 11. – С. 176-183. – EDN ZIBKCI.

6. *Храпов, С.А.* Проблемы идентификации человека в социокультурном контексте техногенной цивилизации / С.А. Храпов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 3(56). – С. 133-139. – EDN PLKHLU.

7. *Душина, Т.В.* «Общество риска» как репрезентативная модель современного социума / Т.В. Душина, О.А. Микеева // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, № 4(51-52). – С. 196-202. – EDN LAGSPJ.

8. *Перцев, А.В.* История философии как наука и диагностика современности (от махинативности до панк-кинизма) / А.В. Перцев, Е.С. Ковалева // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы: Сборник материалов конференции, Екатеринбург, 19–21 ноября 2021 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. – С. 33-58. – EDN FUUCYU.

9. *Юдин, Б.Г.* Технонаука и «улучшение» человека / Б.Г. Юдин // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 48, № 2. – С. 18-27. – EDN WIUNEN.

10. *Леонтьев А.Н.* Избр. психол. произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.

11. *Гримак Л.П.* Общение с собой. М.: Политиздат, 1991. 320 с.

12. *Коктыш, К.Е.* Институциональный рационализм в политике Запада: специальность 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки»: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Коктыш Кирилл Евгеньевич, 2022. – 370 с. – EDN SXOINV.

13. *Бурнаева, Е.М.* «Человек виртуальный» в пространстве информационной культуры: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / Бурнаева Елена Михайловна. – Комсомольск-на-Амуре, 2012. – 21 с. – EDN QHZSQH.

14. *Терегулов, Ф.Ш.* Образование человека: дериват и/или демиург?! / Ф.Ш. Терегулов // *Философия образования*. – 2014. – № 2(53). – С. 188-210. – EDN SMJXBL.